

ТАЙНАЯ ГВАРДИЯ БЕРИИ

АТОМНЫЙ ПЕРЕБЕЖЧИК

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

МОСКВА 2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Иллюстрация на обложке

Владимира Нартова

Тамоников, Александр Александрович.
Т17 Атомный перебежчик / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с. — (Тайная гвардия Берии).

ISBN 978-5-04-199560-7

1943 год. На территории Норвегии немцы начали разработку нового оружия небывалой разрушительной силы. По сведениям советской разведки, молодой ученый Венге, обладая секретной информацией, отказался участвовать в фашистском проекте и пытался бежать за границу. Группе майора Максима Шелестова поручено разыскать Венге и привлечь его к работе над новым оружием, но уже на стороне СССР. Одного разведчики не учли: на побережье Норвегии, куда, по плану операции, должна высадиться группа Шелестова, ей уже был приготовлен смертельно опасный сюрприз...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А.А., 2022

© Оформление.

ISBN 978-5-04-199560-7 ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ГЛАВА 1

Оберштурмбаннфюрер Франц Ветцлер сверлил гневным взглядом сидевшего перед ним ученого. Кулаки, которыми следовательно уперся в стол, побелели. Физики, ученые! Черт бы их побрал, этих нытиков и слюняев! Все немцы в едином порыве следуют призывам фюрера, не щадят себя, куда бы ни поставила их Родина в эти трудные годы. Кто-то на фронте, кто-то здесь, в Германии. Но находятся же вот такие, которые пускают слюни и твердят, я, мол, не могу, мне не позволяет моя внутренняя позиция.

— Вы осознаете, Гейзенберг, такие понятия, как долг немца, ответственность перед рейхом? — продолжал Ветцлер, с трудом сдерживая рвущийся крик.

Вот уже несколько месяцев в гестапо пытаются убедить известного физика Вернера Гейзенберга начать работать в проекте по изу-

чению ядерной энергии. И все это время следователи слышат одно и то же: «Мы не должны, ответственность перед всем человечеством, страшные последствия...» Какое дело немецкой нации до всего человечества! Этот сброд с разным цветом кожи, расселенный по всем континентам, не стоит наших размышлений и заботы. Их право — умереть и освободить место под солнцем для чистокровных арийцев, для высшей расы.

Ветцлер прошелся по кабинету, нащупывая в кармане сигареты. Курить хотелось неимоверно, но в Германии проповедовался здоровый образ жизни, и курение в кабинетах и общественных местах не приветствовалось. Тем более среди членов партии.

Следователь выдержал положенную паузу, поглядывая на ученого. С каждым вызовом обрабатывали Гейзенберга все жестче и жестче. Указание самого Кальтенбруннера: убедить ученого сотрудничать в рамках ядерного проекта. И не гнушаться никакими методами. Интересы рейха превыше всего! Сегодня будет разыгран очередной, скорее всего, последний спектакль. И именно в духе самого обергруппенфюрера — убежденного антисемита, человека, относящегося с презрением, граничащим с ненавистью, ко всем людям с сексуальными

отклонениями. Кальтенбруннер был предан идеям фюрера, как никто другой. Больше того, он был предан лично Гитлеру. И поэтому пользовался особым доверием в высшем эшелоне власти Германии.

Начальник РСХА несколько дней назад вызвал Мюллера и предложил ему форсировать работу с учеными по привлечению лучших умов Германии к ядерным разработкам. В кабинете находился и Кальтенбруннер. Ни для кого в Главном управлении имперской безопасности не было секретом, что именно Кальтенбруннеру Генрих Гиммлер вскоре оставит свое кресло.

Вернер Гейзенберг был нужен нацистам, и поэтому с ним так долго нянчились. Кальтенбруннер посоветовал начальнику гестапо «снять белые перчатки» и подготовить правдоподобные доказательства того, что Гейзенберг был гомосексуалистом. Чистота нации требовала самого сурового отношения к людям с такого рода отклонениями¹. Ученый должен был перетрусить и согласиться.

¹ Именно Эрнст Кальтенбруннер, находясь в должности руководителя РСХА, летом 1943 года направил в Министерство юстиции предложение о введении обязательной кастрации для гомосексуалистов, однако поддержки не получил.

Ветцлер стоял у окна. Пустынная Принц-Альбрехт-штрассе под окном, по которой лишь изредка проезжали легковые машины, вызвала раздражение. Почему люди сторонятся здания Главного управления имперской безопасности, стараются не ходить и не ездить по этой улице? Для кого работает весь аппарат РСХА? Для всех немцев! И вот для этого худого человека со щеточкой усов под носом, который упорно отказывается работать на науку современной Германии. Ну что же. Он вынуждает обойтись с ним жестко.

Ветцлер вернулся к столу и уселся на стул напротив ученого, положив ногу на ногу. Оберштурмбаннфюрер заговорил голосом смертельно усталого человека, у которого все силы ушли на праведные дела по перевоспитанию немцев, и теперь он просто вынужден так поступить. Теперь он с полным правом «умывал руки».

— Вот что, господин профессор. Я должен признаться, что после каждого вашего визита в гестапо следователи с брезгливостью протирают спиртом перьевые ручки, которыми вы подписывали ваши показания и листы допросов. А также стулья, на которых вы сидели. Поймите, обычным немцам это до такой сте-

пени неприятно, что их брезгливость вполне можно оправдать.

— Не понимаю вас, — напряженным голосом заговорил Гейзенберг и заерзал на стуле. — Я что, болен?

— Больны, — с готовностью кивнул следователь. — Можем считать это болезнью, можем распушенностью. Но в любом случае общество таких отклонений личности не приветствует и отторгает из своей здоровой среды. Это общественное мнение, пока. Здоровая нация не приемлет такой грязи. Я говорю о гомосексуализме, профессор. Об этой грязной, отвратительной утехе.

— Что? — Ученый уставился на Ветцлера, не понимая, относиться к его словам как к глупой шутке или пугаться по-настоящему.

Оберштурмбаннфюрер смотрел на собеседника, слегка барабанил пальцами по столу и чуть покачивая носком начищенного сапога. Он старался изобразить на лице горькое сожаление. Нельзя сразу давить на человека презрением; пусть постепенно осознает весь ужас своего положения, тогда он сам кинется навстречу с мольбами о помощи, сам начнет искать выход из ситуации.

А Гейзенберг не мог справиться с собой. Он шарил руками по одежде, не понимая, что

он ищет. Потом профессор нашел в кармане платок и стал старательно вытирать руки, как будто испачкался в чем-то. И тут же, похолодев, понял, что подтверждает подозрения этого человека. Он не заразен, ему нечего стыдиться! Это все нелепо и сейчас же разъяснится. Он ждал, что следователь вдруг заявит, что все это лишь навет злоумышленников и завистников. Выходки его научных оппонентов, которые не брезгуют и такими методами. Он даже надеялся и готов был простить, если следователь вдруг рассмеется и заявит, что это была лишь шутка. Но Ветцлер молчал.

— Это невозможно, — вкрадчивым и немного заискивающим голосом заявил ученый. — Этого не может быть, никогда и ни у кого в нашем роду не было таких наклонностей. И я никогда не испытывал ни тяги, ни интереса... Только к женщинам, я женат, я законопослушный гражданин и счастливый отец семейства.

— Хватит! — оборвал Гейзенберга следователь. — Ваше мнение меня не интересует, господин физик. Я не верю словам, слова — это только пустой звук. Моя работа — верить фактам и неопровержимым доказательствам. И они у меня есть!

Гейзенберг смотрел на следователя, с ужасом стиснув пальцы рук. Ветцлер поднялся со

стула, обошел стол и взял в руки папку. Он стал резко, с ожесточением листать подшитые страницы и перечислять имена и фамилии свидетелей, подтверждавших факты совокупления профессора с мужчинами.

— Лотар Келлер, стюард международного экспресса «Берлин — Берн», показал, что застал вас в августе 39-го года в купе поезда с неким господином, коммивояжером из Бремена. Якоб Бухольц, владелец маленького отеля, заявил, что вы в ноябре того же года тайком провели в свой номер молодого человека. Адам Кернер, электрик берлинской электрической компании, сознался, что был вашим любовником на протяжении полутора лет, с весны 41-го до осени 42-го года. Госпожа Ханна Эггер собственноручно выставила вас из дома, где вы снимали квартиру, когда вы забыли запереть дверь...

— Нет, нет, нет! — закричал ученый, закрывая лицо руками, как будто хотел спрятаться от этого нелепого, страшного сна. — Это все навет, злой умысел. Кому-то надо меня очернить. Они лгут, лгут!

— Лгут? — громко и холодно прозвучал под потолком голос следователя. Прозвучал, как колокол набата. — Тогда посмотрите фотографии, которые нам предоставили свидетели...

Гейзенберг поднял голову: перед ним на стол шлепнулись и чуть разлетелись несколько снимков. О ужас! Он смотрел и не верил своим глазам. Он не узнавал этого мужчины, не узнавал помещения, в котором все происходило. А происходили там кошмарные вещи. Двое обнаженных мужчин в постели, обнимающие друг друга. И не только... Боже! И в одном из них Гейзенберг узнал себя. Нет, это не он... но очень похоже. А вот здесь его лицо, он точно узнавал свое лицо, но как... Мистика! Ведь никогда, ни в юности, ни в зрелом возрасте, у него не было ни потребности, ни интереса и никакого желания заниматься этим с мужчинами!

И ученый, выронив на пол фотографии, заплакал. Он зарыдал как ребенок, переполняемый отчаянием, безнадежностью последствий. Чья-то злая шутка, чьи-то дикие козни... Но чьи? Это уже ничего не значило. Гейзенберг хорошо знал, что за такое поведение ему грозит концлагерь. Все, прощай доброе имя, прощай карьера ученого и университетского преподавателя, прощай наука. Забвение, позор, уничтожение! Смерть, это просто смерть. Еще не физическая, но — моральная, нравственная. А за ней и физическая вскоре. Ведь без науки, без всего того, чем Гейзенберг жил многие годы, он жить уже не сможет.

Чужая рука легла ему на плечо и по-дружески чуть сжала его. Ученый поднял измученный взгляд. Следователь грустно улыбался ему и понимающе кивал головой. И от этого взгляда, от прикосновения, в котором уже не было безразличности, эта рука на плече показалась ему рукой Господа. Сейчас оберштурмбаннфюрер Ветцлер показался ему самым близким, почти всемогущим человеком. И Гейзенберг готов был заплатить за эту дружбу и поддержку чем угодно.

Мюллер не поднял головы, продолжая перебирать бумаги на своем столе. Он только коротко кивнул в сторону стула:

— Заходите, Ветцлер. Садитесь. Я жду вашего доклада по делу Вернера Гейзенберга.

Оберштурмбаннфюрер шелкнул каблуками, прошел через кабинет твердым шагом и вежливо опустился на стул возле стола своего шефа, положив на колени папку с документами, которые могли понадобиться начальнику гестапо.

— Гейзенберг согласился сотрудничать, — заговорил Ветцлер. — Уже завтра он готов выехать на объект и погрузиться в работу. Он раскаялся и полон желания искупить свою вину в потере драгоценного времени. Он сказал даже, что у него есть ряд идей, которые могут

помочь коллегам, давно работающим над этой проблемой. В частности, его идеи касаются использования так называемой тяжелой воды, или дейтерия.

— Вот как? — Мюллер наконец поднял глаза на своего сотрудника и пожевал тонкими губами. — Вы начали разбираться в ядерной физике?

— Я просто передал вам дословно его слова, группенфюрер, — вежливо улыбнулся Ветцлер.

— На чем вы его сломали? — нетерпеливо спросил Мюллер.

— Идею предложил Кальтенбруннер — обвинение в гомосексуализме. Я только подготовил техническую сторону. Поддельные показания, фотомонтаж. И объяснил нашему другу, что ему грозит перевоспитание в концлагере и публичный позор.

Ветцлер открыл папку и стал выкладывать перед шефом бланки допросов свидетелей и фотографии. Мюллер покивал головой и скривил тонкие губы.

— Юрист с докторской степенью и набожный католик не гнушается такими методами?

— Мне кажется, что мы зря теряли столько времени, — пожал плечами Ветцлер. — Лагерь

позволяет быстрее добиваться желаемых результатов.

— Мы не стали бы сажать его в лагерь, — раздраженно заметил Мюллер. — Мать Гейзенберга дружна с матерью Гиммлера. И потом, вы же знаете, какими люди выходят из лагеря. Сломленными, опустошенными. Это не курорт. Лагерь ломает, тем более таких интеллигентных слюнтяев. Посадив Гейзенберга в лагерь, мы бы навсегда потеряли его как ученого. А его голова сейчас очень нужна рейху. Заберите материалы, составьте мне справку для доклада начальнику управления. За Гейзенбергом необходимо установить круглосуточное наблюдение до самого момента его прибытия на объект. Не верю я этим физикам. Он вполне может, испугавшись, попытаться сбежать или покончить с собой. Нервы у них слабые. О прибытии ученого сообщите нашему агенту на объекте. Пусть изучит мнение других ученых, подготовится к встрече.

Доктор Гейзенберг наконец вернулся домой. Здесь, в своем коттедже в тихом районе Темпелхофер, он любил работать вдали от городского шума. У ученого была неплохая библиотека, которую он собирал много лет. А еще в коттедже был удобный кабинет, двери

которого выходили прямо в сад. Здесь всегда хорошо думалось.

Ученый сел за стол и закрыл лицо руками. В памяти снова пронеслись ужасные события, страшные обвинения. Стыд сжигал изнутри. Борьба с такими эмоциями можно было только с помощью работы. А работа предстояла большая. Пусть так, пусть на нацистов, но это работа, это наука. В конце концов, он был только ученый.

Надо собираться. Гейзенберг вскочил, заметался по комнате, отбирая тетради с записями, книги. Одежда? Черт с ней, с одеждой, не это главное. Одежда потом...

Тихий стук в окно заставил ученого замереть на месте. Показалось? Гейзенберг потушил свет и подошел к окну. Что там? Кто-то в саду? Снова в голову начали закрадываться мысли о гестапо.

Но тут между деревьями мелькнула фигура мужчины в пальто и шляпе. Незнакомец снял шляпу и церемонно поклонился.

— Господи, Клаус! — вполголоса проговорил профессор. — Вы испугали меня. Что это значит? Почему вы через сад?

— Тише, профессор, — прошептал молодой человек. — Хорошо, что вы потушили свет. Вы позволите мне войти?

— Конечно, конечно! — засуетился Гейзенберг, открывая пошире застекленную дверь и пропуская ночного гостя. — Как я не могу впустить в дом своего самого талантливого ученика? Но объясните же, что происходит? За вами гонятся? Вас кто-то преследует?

Гость вошел в кабинет, подождал, пока профессор закроет дверь, задвинет плотные шторы на окнах, пока зажжет свет, потом снял пальто и бросил его вместе со шляпой на стул. Невысокий, широкоплечий, русоволосый, он подошел бы для любого фото в журнал или для плаката: «Немцы выбирают спорт и здоровый образ жизни. Нация думает о своем будущем!»

Профессор под пристальным взглядом гостя опустил глаза и начал суетиться возле спиртовки со стоящим над ней кофейником. Он стал пространно говорить о погоде, о том, что не смог в субботу купить сливочного масла, а в его возрасте организму нужен кальций, чтобы не начал развиваться сколиоз.

— Профессор, — тихо заговорил гость. — Что с вами произошло? Я же вижу, что вы изменились, вы не тот прежний Вернер Гейзенберг — боец от науки, яркий теоретик, генератор идей. Я слушал ваши речи на науч-

ных симпозиумах и восхищался вами. Я был счастлив осознавать, что я ваш ученик, но вот теперь я смотрю на вас и не узнаю.

Гейзенберг вздрогнул, но не повернулся. Он старательно вытер стол, зажег спиртовку, поправил кофейник, расставил на столе чашечки и только потом, собравшись с мыслями, обернулся к гостю. Злость на себя, злость на гестапо, на нацистов, которые пришли к власти, которых боготворит немецкий народ и ненавидят все остальные. Теперь, когда эта злость, смешанная со стыдом, наполнили его, Гейзенберг снова стал в какой-то степени прежним. И он заговорил, отмахиваясь на каждой веско брошенной фразе правой рукой, как делал это во время докладов перед учеными или студентами:

— Наука, дорогой мой мальчик! Наука развивается вне зависимости от погодных условий, вне войны или эпидемии, вне природных катаклизмов. Она развивается, скорее, вопреки, потому что каждое социальное потрясение — это толчок, это катализатор. Уходят государственные деятели, эпохи, а помнят научные достижения. Они остаются людям, они им служат, они развивают общество и двигают его вперед, создавая материальное, а значит, и духовное изобилие.

— Но сначала научные достижения попадают в руки тиранов, — покачал головой гость. — Они усиливают их власть, помогают держать в узде миллионы. И тирания рушится не благодаря науке, а благодаря людям, которые сопротивляются, борются с тиранией. Да, достижения останутся и после падения тирании, но какой ценой все это достанется? Сколько жизней заберет научное открытие во время войны, научное открытие для войны?

— Войны проходят, они прекращаются...

— Энергия атома, пусть и управляемая, — слишком мощное оружие в руках человечества. А если она вырвется из-под контроля, учитель?

— Дейтерий, Клаус, вы забыли о тяжелой воде, — начал горячиться ученый. — Она замедляет процесс. Для реактора...

— Для реактора? А для снаряда, который направят на врага?

Руки Гейзенберга, которые тот поднял, чтобы подчеркнуть очередной веский аргумент, замерли в воздухе, потом безвольно упали вниз. Гость подошел и взял своего учителя за плечи:

— Профессор, вы многому научили меня! Вы научили меня не идти на компромисс ради великой цели, ради чистой науки. Вы научили

меня отстаивать свое мнение. И я спрашиваю, что с вами сделали, почему вы так изменились?

— Не надо, Клаус. — Профессор замотал головой, потом отвернулся и уставился на картину с пейзажем альпийской деревни.

— Хорошо, учитель. — Молодой человек кивнул и, подойдя к стулу, взял пальто и шляпу. — Вы вправе сами решать. И я тоже.

— Ты пришел тайком, Клаус? — вздохнул ученый. — За тобой следят, тебя ищут?

— Не беспокойтесь, учитель, — твердо ответил гость. — Вам лучше не знать. Если вас спросят, признайтесь честно, что я навещал вас. Но вы не знаете о моих планах ничего. Надеюсь, мы еще увидимся, и все будет позади, и наш разговор тоже...

Рыбацкий баркас качало с борта на борт. Скрип снастей и деревянных частей судна часто заглушался шумом волн и свистом ветра.

Лейф Ларсен стоял в маленькой рубке, то и дело прикладывая к глазам бинокль. Погода портилась быстрее, чем предсказывали синоптики. Но Шетландский Ларсен, как прозвали шкипера в норвежском Сопротивлении, как раз такой погоды и ждал. Немецкий линкор «Тирпиц» вот уже несколько лет безуспешно атакуют силы союзников. Были попытки тор-